

Дождь то расходится, то утихает и моросит неприятно по куртке, по лицу. На улице противно, как и у нее на душе. Но Свете все равно на дождь, на ветер. Она наклеивает объявление, расправляет края:

«ПРОПАЛ РЕБЕНОК!

Фомин Владимир Вадимович (8 лет).

19 октября 2017 г. пропал в г. Мытищи (МО), и до настоящего времени его местонахождение неизвестно.

Приметы: рост 135–140 см, худощавое телосложение, волосы темно-русые, глаза карие.

Был одет: черная шапка с нашивкой «человек-паук», куртка-пуховик темно-синяя с капюшоном, рубашка синяя в клетку, джинсы синие, ботинки черные на молнии.

Всех, кто может сообщить какую-либо информацию о местонахождении Владимира, просим позвонить по телефонам...»

И фотография в белой рубашке с бабочкой, их в школе фотографировали недавно. Подумала, на ней хорошо видно, портретная. И снова встретилась с ним взглядом, защемило внутри, захотелось заплакать, разрыдаться в голос. Наивный взгляд темно-карих, почти черных глазок. «И в кого он такой черноглазый? У меня светло-карие, у Вадьки еще светлее, в последнее время не высыпается, и кажется, что и вовсе желтые» – думалось ей.

Она погладила фотографию, будто его, родного, любимого... Это уже тридцатое, еще два дома, а в садах и школах уже повесили, может, еще на магазин.

Телефон завибрировал, она вздрогнула, схватила с надеждой. Но это опять WhatsApp, сообщения. Обсуждение в родительской группе:

«Сбор добровольцев в 14.30 у второй школы».

«Муж пошел».

«Я только к пяти смогу».

«У меня знакомая в милиции работает, она сказала, что в Мытищах орудует маньяк, уже 5 жертв, мальчики, отрезает головы. Берегите своих. Не отпускайте одних».

Словно ножом в сердце. У Светланы похолодело внутри. Душа ушла в пятки, или сердце, ей почему-то казалось у человека это в одном месте – и душа и сердце, так чувствовалось, будто в пропасть канула. Представила все в красках, всю эту расчлененку из телевизора, ужас, кровь. И будто это все не с ним, а с ней, это ее... душат, убивают, режут. Лучше бы ее. Все оборвалось, замерло внутри. Ее знобило.

Люди продолжали писать:

«Пожалуйста, не нагнетайте. Может, все обойдется».

«Мне подруга сказала, что этот мальчик ходил в 51-й сад и что он из неблагополучной семьи».

«Может, его бьют, поэтому и сбежал».

«Может, родители пьют».

«Да ладно вам, небось с родителями поссорился и сидит у кого-нибудь из друзей».

«А мне в поликлинике сказали, что у них хорошая семья».

«Муж говорил с отцом мальчика, ссор никаких не было, в пять часов вечера вышел от друга в районе пятерочки и отправился домой».

Экран загорался, мигал новыми сообщениями.

У Светы закружилась голова, не смогла сдержать слез. Уже привычно вытерла рукой. «Они так обсуждают, будто меня нет, будто я этого не вижу». А, впрочем, ей ведь и самой со вчерашнего дня, как Вовка пропал, кажется, что ее нет, не существует, ходит как тень. Сначала злилась, хотела что-то доказать, ответить, но потом понимала: зачем? Наплевать. Не до них сейчас, пусть говорят, что хотят, какая разница. Лишь бы нашелся, лишь бы живой. Это ведь у нее беда, не у них, им не понять ее сейчас, так всегда со стороны – ужаснешься, посочувствуешь, но думаешь, тебя ведь не коснется, чужая беда. Хотя многие помогают, ищут, за своих тоже боятся. А это так, что не дай бог.

«Вовка, маленький мой, мальчик мой». Такой долгожданный, такой желанный. Когда только поженились с Вадькой, как она хотела, мечтала, молилась, но не получалось, сразу не вышло. Стала ездить по святым, ходить по больницам. Вроде все в порядке. Посоветовали к Свирскому съездить, говорили никому не отказывает, и именно с мальчиками помогает, лежит теплый, белый, как живой, потрогать можно и столько чудес от него, уже не перечить, столько веков помогает. Собрались ехать, еще и за билетами не съездила, а тут вдруг сон. Монастырь Троицкий, тот самый, где ему явление Троицы было, клумбы с цветами, много цветов и старец в монашеской черной одежде: «Твоя просьба услышана!» Теперь не помнила дословно, но казалось именно так. Проснулась и уже знала, что будет ребенок, чувствовала, а объяснить не могла. В монастырь уже с Вовкой ехала, тошнило, токсикоз страшный, а она счастлива, как никогда. И Вадим чуть не на руках носил, все покупал, все желания исполнял, не спорил даже.

Родился недоношенный, малюсенький такой. И только принесли его, дали ей, спелёнатую куколку, поцеловал, прижался к ней, словно бы знал, уже чувствовал, это его мама, одна на всю жизнь, а он часть ее и они всегда вместе, вдвоем в этом мире. Ей потом говорили, что он

так делал, потому что молока хотел, они все так делают. А она не верила, говорила, не понимаете ничего. Не могла объяснить, но чувствовала, всегда его чувствовала как часть себя, надо ему прививку или нет, спорила с врачами, сколько раз положить хотели в больницу, вес не набирал, а она все свое, защищала, отбивалась, а потом оказывалась права. Вадька так не чувствовал, он всем верил больше, врачам, маме, папе. Когда пневмонию у Вовки обнаружили, поверил, настаивал, заставил лечиться в больницу, а она плакала, говорила «не надо, я чувствую...». Но он уперся: «Ты же не врач, что твои чувства...» Положили обкололи его антибиотиками, а потом выяснилось, что не было никакой пневмонии. И так было обидно, досадно на себя, что не уберегла, не смогла отстоять. Ей казалось, мать всегда знает, что ребенку нужно, только как объяснить, доказать, — невозможно.

Поссорились тогда с Вадькой сильно, неделю не разговаривали. Потом вроде примирились, но осадок будто навсегда остался. Теперь еще хуже, месяцами не разговаривали. Раньше он сам подходил, мирился, что-то придумывал. А в последние месяцы и не смотрит, отвернется к стенке и отключается. Говорит, ты же знаешь, у меня сезон.

Вадим продавец-консультант на крупной оптовой базе, продают шины, диски и всякие запчасти. В сезон, когда колеса меняют, работают с семи утра до одиннадцати ночи, дома только сваливается на кровать. Говорит, ты что, не понимаешь, я спать хочу. Света понимала, молчала, но уже хотелось бежать без оглядки, вернее, не хотелось ничего, работа, дела и у нее. Платили копейки, едва хватало на жизнь, у Вадьки и вовсе не по трудовой, хозяин фирмы нерусский какой-то, неофициально все.

А в выходные в телефон играет, зарядка сядет, достанет компьютер и в него, с Вовкой занимается, конечно, но так больше для галочки, и всем видом будто показывая, как устал и отвяжитесь от меня. Стоит только попросить что-то сделать, пропылесосить или по дому что починить, и начинается: сначала крикнет, а потом сделает, с такой неохотой, проще самой уж. Даже не орет, а так как будто рычит, недаром в год Собаки по гороскопу родился.

Раньше еще пыталась поговорить, Вадька мог и матом в ответ крикнуть, не при Вовке, но все равно неприятно, и она перестала, проще отвернуться к стенке. Как-то сказала: «Давай разведемся». А он только тихо ответил: «Давай». Будто все равно ему совсем. Нет никакой любви.

А Вовка как же? Вовку любил, больше, чем себя, да и говорили все, его копия точная, один в один, даже свекор на детской фотографии перепутал Вовку с Вадькой: «Это, — говорит, — где ты, не помню». При Вовке не ссорились, замолкали. Но ведь чувствовал же, все он чувствовал. Может, из-за нас все. Может, правильно пишут. Плохие родители... Мать плохая... У хороших дети не пропадают...

— Давай мне половину. Много еще осталось?

Позади нее кто-то протянул руку к пачке с объявлениями. Обернулась.

— Ирка. Привет.

— Только вот освободилась. Дежурство было.

Ирка работает медсестрой в больнице. Голос с хрипотцой, прокуранный, но девчонка она хорошая, добрая, всегда поможет, не обидит, грубоватая, может, ну уж так жизнь сложилась, не она виновата, тоже нелегко ей приходится на этой работе. А куда деваться?

Они доклеили объявления.

– Еще есть?

– Дома, еще черно-белые печатала.

– Пойдем, возьмем. И чай хоть попьем, белая вся как полотно. Наверняка и не ела ничего. Вадька звонил?

– Да что ты, какой тут чай?! Нет, они с волонтерами прочесывают лесопосадку. У школы все обошли. Ничего.

– Чай надо, надо, а лучше, что покрепче. А за школой, там, где курят и бомжи всякие, в кустах в этих?

– Да, все обошли...

Дождь снова стал расходиться, проводил их до дома. «Господи, как же он под таким дождем. У него ведь и зонта-то нет», – она думала о Вовке, сама себя пугала и сама же пыталась успокоить: «Может, где пережидает».

В квартире удивительно тихо, пустынно, все серое от дождя, света нет, темно. Тучи давят мраком, темнотой дневной ночи, как будто солнце проглотил какой-нибудь крокодил из сказки.

Они прошли на кухню. Ира включила чайник, и он закипел, затрещал, перебивая, не давая сказать. Ира не спрашивая, поискала по полкам, нашла какой-то прошлогодний коньяк. «И откуда он?» – подумалось Свете, не помнила.

– Выпей, выпей. Тебе нужно. Полегчает.

– Нет, – мотает головой Света, – не могу, нельзя, семь недель. Да и не хочется.

– Ничего себе! А Вадька-то знает?

И снова отгнула головой, говорить нет сил.

– Н-да... – задумалась Ирка, – а что же теперь? Ты же говорила, разводиться хотите.

– Ничего. Я думала на аборт, уже решила... Хотела сказать... А тут... Сейчас главное Вовку найти. Больше ничего не надо. Только бы найти. Не хочу сейчас об этом. Наверное, это я виновата... Это нам за...

– Ой, – сморщилась Ира от коньяка, – крепкий какой. Да ну брось, не накручивай. Виновата? Ты что? В чем виновата? Целый день вкалываешь на этой работе как проклятая. Когда быть виноватой? Да и перед кем?.. Вадька тоже хорош. Ой, кстати, я его диск принесла, а то потом забуду, посмотрела, ну и правда муть мутью, а столько рекламы, на «Оскар», на премии. Тьфу.

– Какой диск? – Света не слушала, думала о своем.

– Да, Звягинцевская эта «Нелюбовь». Ты же давала. Ой, зря, я, наверное, сейчас про него... Прости, дуру...

– Да ну, ты что... Так в жизни и не бывает. Как Вадька сказал бы – гон это все. Не люблю я его фильмы еще с «Возвращения». Мрачные, растянутые, «Нелюбовь» уже на перемотке смотрела. У него все без любви, без чувств, без Бога. А так ведь не бывает, чтобы всегда все только плохо, чтобы одна смерть и нелюбовь. Не верю в это. Это как Ремарк, у него все мертвы и кругом одна смерть. Мне преподаватель в институте говорил, что тема смерти исчерпывает себя и никак не может сравниться с необъятной темой жизни.

– Как твоя диссертация-то?

– Да ты что, какая тут диссертация, давно все забросила.

– Жалко. Сейчас бы...

Телефон заиграл классическую смартфонную. Вадька.

– Ну как ты?

– Да как? Так же. Ира пришла. Расклеили пятьдесят. Сейчас на ту сторону поедем, еще остались черно-белые. Как у вас?

– Пока ничего нового, обходим посадку.

– Давай я приду к вам? Заодно зонт тебе принесу. Дождь сильный.

– Да нет. Лучше отдохни, поспи, всю ночь не спала. Люблю тебя. Все будет хорошо. Я позвоню.

И положил. «Бойтся, если я пойду с ними, вдруг увижу что-то страшное, а мне бы лучше с ними, чем так, думать, представлять... С ума можно сойти». Он первый раз за долгие месяцы сказал «люблю». Она так давно не слышала от него этого слова, что захотелось сейчас обнять его крепко-крепко, прижаться всем телом, согреться об него и забыть обо всем.

Ей вспомнилось, как познакомились в компании. Он ее сразу заприметил и только с ней и говорил, а она ведь не одна тогда была, с мальчиком, с Лешей. Со школы дружили, из армии его ждала, дождалась, пожениться собирались. А тут Вадим. Сначала он ей не понравился, показалось, высокомерный, а потом разговорились, и искра какая-то проскочила, сама не думала, что так бывает. Лешка расстроился, понял все. Долго переживал. Где он теперь? Женился ли? Давно ничего о нем не слышала. А Вадька тогда ухаживал красиво, на руках через лужи переносил, цветы дарил, сладости и под гитару пел под окном серенады. Такой голос был хороший. Не доучился вот только, да и сейчас не хочет, сколько ругались из-за этого, была бы хоть работа нормальная, но что толку заставлять... Уже махнула рукой. Сейчас не верится, что могли не спать ночи напролет, разговаривать, целоваться и никто им больше был не нужен, в компаниях, на дачах всяких, закрывались от всех, уходили вдвоем. А сейчас уже и не помнила, когда последний раз просто разговаривали о чем-то кроме денег, дел, проблем...

– Ну что там? Ничего нового?

Света забыла об Ире, ушла в свои мысли. И как-то на автомате отвечала, мотала головой.

– А бабушке-то звонили?

– Да, конечно, сразу, я думала, вдруг он взял и к ним сам поехал. Они же на даче теперь с папой. У мамы нога, еле ходит, сустав опять, хотела ехать, еле отговорила, лежит с давлением. А папа молится.

– А Вадькины? К ним не мог?

– Да нет, ты что. Далеко. Нижний Новгород. Как уехали туда, так и живут там, свои проблемы, не до нас.

– А мальчик этот, у которого вчера был. Что говорит?

– Илька? Да что он может сказать. Вчера измучили и его, и Ленку, маму его. Они же с сада дружат, через дом живут, по очереди в гости друг к другу бегают. Привыкли уже, никто и не думал, внимания не обратил...

– Дай-ка я с ним еще поговорю, небось уже со школы пришел.

Ира пошла в коридор, звонить. А Света стала молиться, опять и опять просить, ведь только Бог может. Он все может. И, сама не зная зачем, достала фотографии. И ведь понимала, что еще больше станет, но руки сами потянулись. Почему-то всегда так, знаешь, что не надо, что больно будет, а делаешь. Как болячку какую сковыриваешь, знаешь, что кровь пойдет, а все равно ковыряешь.

Вот Вовка совсем малюсенький на пеленальном столе, перевернулся и улыбается, такой смешной, пупсик, сколько ему тут, месяцев пять-

шесть. Только переворачиваться научился и со стола слетел, испугались тогда, врача даже вызвали, а врач сказала, они группируются, голову поджимают, падают на мягкое место.

А потом пошел, смешной такой, то все за мебель держался, а Вадька вдруг говорит, принеси пульт, и Вовка встал и принес, и сам вдруг удивился, что пошел без опоры. Сколько говорил тогда смешного, думала, надо записывать, да все некогда, забывалось. А в садике уже и первая любовь была. Пришла как-то забирать, а его девочка одевает, ботинки застегивает, комбинезон. Оказывается, он ей сказал: «Ты такая красивая», и она его одела за это. «Вот они мужики, уже с детства такие», – усмехнулась про себя. А потом подружились, сказал, мама, у нас любовь, и Карина мне рóдит ребенка, потому что ты же не рóдила, а нам надо маленького, как у Илюши сестренка. Смешной такой. Воспоминания нахлынули, все сразу, и зарыдала, хоть сколько уже валерьянки выпито.

– Ну ты что?

Ира обняла, стала успокаивать, отвлекать.

– Не дозвонилась пока. Пойдем лучше клеить, что тут сидеть. В школе были?

– Да, еще утром, – все еще всхлипывала Светка, – и следователь был. Ничего.

И опять эта электронная смартфонная мелодия... Из милиции. Ее затрясло, боялась взять, услышать... вдруг... а вдруг...

– Да.

– Здравствуйте, капитан Семинихин. Нашли вашего мальчика. В порядке он. С психологом сейчас разговаривает. Травм нет, врач смотрел. Приезжайте. Шестое отделение милиции Мытищинского района...

Словно тонна железа с души, и вздохнула, задышала полной грудью.

– Да-да, спасибо, мы сейчас приедем.

– Знаете, как ехать?..

Она уже не слушала.

– Да-да, уже едем.

Отключила и поскорее набрала Вадиму. Сказал, сейчас подъедет на машине. Но не сиделось, не могла ждать, побежала навстречу, накинула куртку, обняла Ирку.

– Вот ведь засранец! Никаких ему больше конфет от меня не будет, – ругалась Ирка, и тут же смягчилась, уже в дверях попросила: – Ты уж его не ругай только, дурака такого.

Дождь накрапывал, бил по стеклу, дворники не успевали, стекло запотевало. Ехали медленно, стояли в пробке, она просила, умоляла быстрее, рвалась раненой птицей. Вадим выжимал газ, расспрашивал и успокаивал. Договорились не ругать Вовку. И Вадим вдруг поцеловал, как раньше, как уже давно не целовал... И только пролетело в голове: «Какое счастье, что он есть, что он здесь, рядом, и что Вовка нашелся, спасибо тебе, Господи».

Она влетела в отделение, не дожидаясь Вадима, закрывавшего машину. Вовка сидел за компьютером и играл. Увидел, обрадовался, кинулся на шею:

– Мама!

Прижался щекой и зашептал: «Мам, прости меня, я боялся, ты ругаться будешь. Я просто хотел, чтоб вы с папой помирились. Я так в кино видел».

Она кивала, обнимала крепко-крепко, и слезы сами катились.

– Вовка, ну ты что, где же ты был, мы чуть с ума не сошли?! Ну что ты?!

Вовка стирал руками слезы с ее щек: «Мам, мамочка, не плачь, я больше так никогда не буду. Я в подъезде был. В доме, который ремонтируют, там тепло было, ты не волнуйся».

И сам заплакал.

Вадька, застывший сначала в дверях, не выдержал, подошел к ним и обнял еще крепче, их двоих, вернее, уже троих.

Следовательно что-то говорил Вадиму, давал бумаги на подпись, но он не слышал.

Вовка улыбался и думал, если все уже хорошо, можно ли сейчас попросить трансформера, которого обещали на Новый год, или лучше подождать до вечера.

За окном пошел снег. Первый в этом году. Он был еще слабый. Он только начинался, летел и таял, и превращался в дождь.